

25

Пеньем чарует, так я с твоей помощью мог бы бродячих
Собственных коз научить его неведомым песням».
Что мне тут было сказать, если он так настаивал страстно?
«Из года в год, Мелибей, к Аонийским вершинам в то время,
Как изучению прав отдаются другие для тяжёб,

30

Мопс уходит, в тени священной рощи бледнея.
Там, вдохновенья водой омытый, насытившись вволю
Звучной струей молока и по самое горло им полный,
Он призывает меня к обращенной в лавр Пенеиде».
«Что же тут делать? – спросил Мелибей. –
Никогда не украсишь

35

Ты себе лавром чело, пастухом оставаясь навеки?»
«О Мелибей, и почет, да и самое имя поэтов
Ветер унес, и без сна только Мопса оставила Муза».
Так возразил я, но тут досада возвысила голос:
«Блеяньем жалостным все огласятся холмы и поляны,

40

Если в зеленом венке я на лире пеан заиграю!
Да убоюсь я лесов и полей, не знакомых с богами.
Не расчесать ли мне лучше волос в триумфальном уборе
И, коль когда-нибудь я вернусь к родимому Сарну,
Русые некогда скрыть зеленой листвою седины?»

45

Он: «Без сомненья, – в ответ, – потому что ты видишь, как быстро,
Титир, время бежит: ведь уже состарились козы,
Маткам которых козлов мы давали с тобой для зачатья».
Я же: «Когда обитателей звезд и круговороты
Тел мировых воспою, как воспел я и дольные царства,

50

Голову пусть мне тогда и плющ и лавр увенчают,
Только бы Мопс допустил!» «Да при чем же тут Мопс?» – возразил он.
«Разве не видишь, что он возмущен Комедии речью,
Иль потому, что ее опошлили женские губки,
Иль потому, что принять ее совестно сестрам Кастальским?» –